

ВЗГЛЯД РУССКОГО НА СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЕВРОПЫ

С.П. ШЕВЫРЕВ

Вниманию читателей предлагается публикация широко известной статьи С.П. Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы». Несмотря на известность и многочисленные ссылки, статья, тем не менее, нигде больше не печаталась (насколько это известно автору публикации), хотя представляет несомненный интерес не только для филолога, но и для истории педагогики.

Публикация подготовлена канд. ист. наук, ведущим научным сотрудником Института теории и истории педагогики РАО Л.Н. Беленчук.

Степан Петрович Шевырев (1806–1864) – крупнейший историк литературы, профессор Московского университета, свыше 20 лет преподавал историю словесности, поэзию, другие курсы по филологии. С 1851 г. С.П. Шевырев одновременно возглавил кафедру педагогики, учрежденную в Московском университете в том же году. С 1852 г. был ординарным академиком (высшее звание) Петербургской академии наук.

Лекции С.П. Шевырева неизменно вызывали большой интерес у слушателей и пользовались огромной популярностью. Знаменит был его курс лекций «История русской словесности», в котором он обратил внимание общественности на обширную древнерусскую литературу, до того времени мало изученную. Этот курс явился своеобразным ответом на 1-е «Философическое письмо» П. Чаадаева, в котором тот утверждал бессодержательность и незначительность древней культуры Руси.

Его научные статьи по педагогике о влиянии семейного воспитания на нравственное состояние общества, более того – на государственное устройство, широко известны и как никогда актуальны для нашего времени. Основная идея этих статей – при разрушении семьи рушится и общество, и государство – только сейчас получает реальную оценку, а его взгляд на воспитание как на процесс, который продолжается всю жизнь, получил сегодня определение как «непрерывное (пожизненное) образование». При этом С.П. Шевырев подчеркивал, что на процесс и качество воспитания влияют самые разные факторы окружающего мира. Почти во всех своих произведениях Шевырев касался вопросов образования, в которое вкладывал широкий смысл.

Из педагогических сочинений Шевырева наиболее известна его лекция (а затем и статья) «Об отношении семейного воспитания к государственному. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского университета 16 июня 1842 г.» (М., 1842). В ней Шевырев определил главную цель воспитания («Под именем воспитания должно разуметь возможно полное развитие всех телесных, душевных и духовных способностей человека, от Бога ему данных, развитие согласное с высшим его назначением и примененное к народу и государству, среди которого Провидение назначило ему действовать»; с. 4), его средства, роль государства, семьи и общества в воспитании, а также коснулся темы различий воспитания в Западной Европе и России. На 15 лет раньше Н.И. Пирогова главным вопросом педагогики Шевырев назвал «воспитание человека» («Из университета выходит студент или кандидат; из ваших же рук выходит человек – звание, важнейшее всех других званий»; с. 4). Устроение правильного перехода из семьи в школу составляет одну из главных задач государственного воспитания, утверждал он. Речь имела широкий общественный отклик.

Статья С.П. Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы» опубликована в первом номере журнала «Москвитянин» (1841 г., №1, с. 219–296) и, по нашим данным, более нигде не публиковалась, хотя материалы ее использовались автором в других работах и курсах лекций, например, в «Истории поэзии» (из которой был опубликован только один том). Многие исследователи считают ее программной для «Москвитянина». Действительно, в ней отражены все основные проблемы, разрабатываемые славянофильством, к которому С.П. Шевырев был по мировоззрению очень близок: культурные начала Европы и России, истоки европейской культуры и просвещения, сравнительный анализ культур ее крупнейших государств, место России в мировой общечеловеческой культуре. Содержание статьи на первый взгляд кажется много шире, чем заявлено в названии. Однако это отражает специфику понимания Шевыревым и его сподвижниками образования как широкого просвещения человека во всех сферах его жизнедеятельности (а не только в учебных заведениях), как становление его мировоззрения на основе базовых ценностей. Поэтому в статье проблемам собственно образования в нашем сегодняшнем, узкоспециализированном понимании уделено не так много места. Зато анализируется все, что составляет гуманитарный аспект культуры личности.

Обратим внимание читателя на блестящее знание С.П. Шевыревым западноевропейской культуры, ее самых разных направлений (мало кто из западников так знал тогда западную культуру!), уважение и любовь к высшим ее достижениям и лучшим представителям. Отрицательно критическим можно считать лишь очерк, посвященный культуре Франции. Может быть, С.П. Шевырев, опережая свое время, лучше других видел тенденции, зародившиеся в Европе и получившие быстрое развитие в дальнейшем. Знаменательно, что в начале 1990-х годов папа Римский, посетив Францию, воскликнул: «Франция, что ты сделала со своим крещением!» (Цит. по: *Кураев А.*

Почему православные такие?.. М., 2006. С. 173). Так что оценка Шевырева если и казалась необоснованной его современникам, почитавшим Францию как страну великой культуры, но в целом была совершенно справедливой. И уж совсем удивительно, что критики Шевырева не обращают внимания на то, что он был верующим, православным человеком, и именно с этих позиций он пытался найти в каждой культуре близкие его христианскому самоощущению и мировоззрению черты и даже в языческой Франции отыскивает элементы ее христианского прошлого, а значит, и надежду на будущее.

Как и другие славянофилы, основой культуры и образования Шевырев считал вероисповедание человека, его религиозные представления, соглашаясь в этом, в частности, с И.В. Киреевским, писавшим: «...я дошел до того убеждения, что направление философии (а значит, и всей образованности, на ней основанной. – Л.Б.) зависит в первом начале своем от того понятия, которое мы имеем о Пресвятой Троице» (Полн. собр. соч. М., 1911, т. 2, с.281).

Статья публикуется по журналу «Москвитянин» (1841, ч. 1, № 1, с.219–296). Мы позволили себе незначительно сократить фрагменты статьи, посвященные частным проблемам развития отдельных видов искусства (живописи, театра). Сокращения отмечены в тексте знаком <...> Авторские сноски даны в конце страницы и отмечены знаком *; наши сноски помечены арабскими цифрами и даны в конце текста. Текст статьи приведен в соответствии с современными нормами русского языка (в таких словах, например, как «прение», «форма», «история», «русский», «француз», «англичанин» и т. д., прописные буквы заменены строчными, убраны излишние, неупотребляемые сегодня буквы и т. д.). Статья будет опубликована в двух номерах «Вестника ПСТГУ»: первая часть включает анализ просвещения в Италии и Англии, вторая – во Франции и Германии.

Есть мгновения в истории, когда все человечество сказывается одним всепоглощающим именем! Таковы имена Кира¹, Александра², Цезаря³, Карла Великого⁴, Григория VII⁵, Карла V⁶. Наполеон готов был наложить свое имя на современное нам человечество, но он встретил Россию!

Есть эпохи в истории, когда все силы, в ней действующие, разрешаются в двух главных, которые, вобрав в себя все постороннее, сходятся лицом к лицу, меряют друг друга очами и выступают на решительное прение, как Ахилл и Гектор в заключении Илиады. Вот знаменитые единоборства всемирной истории: Азия и Греция, Греция и Рим, Рим и мир Германский.

В мире древнем эти единоборства решались силою материальною: тогда сила правила вселенною. В мире Христианском всемир-

ные завоевания стали невозможны: мы призваны к единоборству мысли.

Драма современной истории выражается двумя именами, из которых одно звучит сладко нашему сердцу! Запад и Россия, Россия и Запад – вот результат, вытекающий из всего предыдущего; вот последнее слово истории, вот два данный (так в тексте. – Л.Б.) для будущего!

Наполеон (мы недаром с него начали) содействовал много к тому, чтобы наметить оба слова этого результата. В лице его исполинского гения сосредоточился инстинкт всего Запада – и двинулся на Россию, когда мог. Повторим слова Поэта:

Хвала! Он русскому народу Высокий жребий указал⁷.

Да, минута великая и решительная! Запад и Россия стоят друг перед другом, лицом к лицу! Увлечет ли нас он в своем всемирном стремлении? Усвоит ли себе? Пойдем ли мы в придачу к его образованию? Составим ли какое-то лишнее дополнение к его истории? Или устоим мы в своей самобытности? Образует мир особый, по началам своим, а не тем же Европейским? Вынесем из Европы шестую часть мира... зерно будущему развитию человечества?

Вот вопрос – вопрос великий, который не только раздается у нас, но откликается и на Западе. Решать его – во благо России и человечества – дело поколений нам современных и грядущих. Каждый, кто только призван на какое бы то ни было значительное служение в нашем Отечестве, должен начать решением сего вопроса, если хочет связать действия свои с настоящею минутою жизни. Вот причина, почему и мы с него начинаем.

Вопрос не нов: тысячелетие русской жизни, которое наше поколение может праздновать через двадцать два года, предлагает на него полный ответ. Но смысл истории всякого народа есть тайна, кроющаяся под внешнею ясностью событий: каждый разгадывает ее по-своему. Вопрос не нов; но в наше время важность его ожила и сделалась для всех ощутительною.

Окинем же общий взгляд на состояние современной Европы и на отношение, в каком находится к ней наше Отечество. Мы устраним здесь все политические виды и ограничиваемся только одною картиною образованности, объемлющей Религию, науку, искусство⁸ и словесность, последнюю как самое полное выражение всей человеческой жизни народов. Мы коснемся, разумеется, только главных стран, которые действуют на поприще Европейского мира.

Начнем с тех двух, которых влияние менее всего доходит до нас и которые образуют собою две крайние противоположности Европы.

Мы разумеем Италию и Англию. Первая взяла на долю свою все сокровища идеального мира фантазии; почти совершенно чуждая всем приманкам роскошной промышленности современной, она, в жалком рубище нищеты, сверкает своими огненными глазами, очаровывает звуками, блещет нестареющей красотой и гордится своим минувшим. Вторая корыстно присвоила себе все блага существенные житейского мира; утопая сама в богатстве жизни, она хочет опутать весь мир узами своей торговли и промышленности.

* * *

Первое место той, которая с благородным самоотвержением переносит нас из мира корыстной существенности в мир наслаждений чистых. Бывало прежде народы севера неслись через Альпы с оружием в руках, чтобы драться за южную красавицу стран европейских, которая привлекала их взоры. Теперь ежегодно колонии мирных странников текут с вершин Симплона, Мон-Сени, Коль дель Бормио, Шилогена и Бреннера⁹, или обеими морями: Адриатическим и Средиземным, в прекрасные сады ее, где она мирно угощает их своим небом, природой и искусством.

Почти чуждая миру новому, который задвинут от нее навеки снежноглавыми Альпами, Италия живет воспоминаниями древности и искусством. Через нее получили мы древний мир: она и теперь верна своему делу. Вся ее почва – могила прошедшего. Под миром живым – тлеет мир другой, мир отживший, но вечный. Ее виноградники цветут на развалинах городов погибших; ее плющ обвивает памятники величия древнего; ее лавры – не для живых, а для мертвых.

Там, у подножия дымящегося Везувия, медленно стрясает с себя свой пепельный саван мертвец-Помпея. Задушенная огненным жупелом в полную минуту жизни и погребенная в земле со всеми своими сокровищами, она теперь выдает их в чудной целостности для того, чтобы мы наконец разгадали во всех подробностях жизнь древнюю. Новые открытия в архитектуре, ваянии, живописи древних изменяют совершенно прежние воззрения и ждут нового Винкельмана¹⁰, который сказал бы о них решительное слово.

Древний Форум Рима лениво сбрасывает с себя вековую насыпь, между тем как антиквары итальянские и немецкие праздно спорят об именах его безымянных и немых зданий.

Города Этрурии¹¹ отверзают свои гробницы – и сокровища времен, может быть, гомерических (т.е. Гомера. – Л.Б.), верно сохранные бескорыстной землей, выводят на свет в чертоги Ватикана.

Скоро древность будет нам так же доступна и ясна, как жизнь нас окружающая: человек ничего не потеряет из своего необозримого

прошедшего, – и все заметное в жизни всех веков делается собственностью каждой его минуты. Нам открыта теперь возможность беседовать с писателями древними, как будто с нашими современниками. Изящная древность красотой форм своих облагородит и украсит формы нашей обыкновенной жизни. Все, служащее человеку и для его потреб житейских, должно быть его достойно и носить на себе отпечаток его бытия духовного. Над этим делом, конечно, не столько важным в жизни человечества, продолжает трудиться Италия, хранящая у себя всю роскошь благообразной древности.

Искусство, как верный плющ, обвивает развалины Италии. Прежнее побоище народов превратилось теперь в мастерскую всего мира, где спорят уже не мечом, но кистью, резцом и циркулем. Все ее галереи населены толпами художников, которые осаждают великие произведения гениев, или гуляющими странниками, которые раболепно кланяются ее минувшему. Любопытно видеть, как вокруг одного «Преображения» Рафаэля¹² сидят в тоже время живописцы русский, француз, немец, англичанин и селятся в разных видах повторить неуловимые ничьею кистью образы неподражаемого.

Было время, когда Италия передала всем странам Запада изящные формы своей поэзии: теперь она совершила то же самое в отношении к прочим искусствам. На берегах Изара, Рейна, Темзы, Сены, Невы¹³ изящные формы искусства Итальянского усвоены всеми образованными нациями. Они изменяются, смотря по особенному характеру каждой, но в главном идеал итальянский понят.<...>

Наука в Италии имеет своих представителей по некоторым отдельным частям, но не соединяет ничего целого. Разрозненность политического устройства отражается и в науке, и в словесности. Ученые Италии – острова, отдельно плавающие на море невежества. На севере, где более деятельности, задумали ежегодные съезды ученых: Пиза¹⁴, колыбель просвещения новой Италии, подала первая голос. Флоренция, Милан, Турин протянули ей руки. Но Папа, под страхом отрешения от церкви, двукратно запретил ученым Рима отправляться на эти съезды. Где же Николаи V, Львы X, Юлии II¹⁵?

Несмотря на обстоятельства, неблагоприятствующие наукам, они ведутся давними преданиями. Даже Неаполь ожил. И в нем издаются журналы, в которые достигает и немецкая философия, и где излагаются эстетические теории, доселе неслыханные на берегах чудного залива.

Так, Бьянки¹⁶, археолог, каких мало в Европе, поведет вас по улицам Помпеи и живым своим рассказом воскресит перед вами всю

жизнь древних; населит эти улицы, храмы, базилики, форум, бани, дома... Воображение итальянца даст цвет и жизнь сухим розысканиям ученого. В Риме Анджело Май¹⁷, этот последний из исполинских филологов Италии, продолжает рыться в кодексах Ватикана; но должно заметить, что с тех пор, как пурпуровая мантия облекла филолога в звание кардинала, его изыскания не столь деятельны, как прежде. Но в Риме есть другой кардинал, чудо памяти человеческой, славный Мензофанти, говорящий 56-ю живыми языками. Там же ученый иезуит Марки по ассам¹⁸ древних городов Италии открыл следы их колонизации и проник в тайны древнейшей ее истории. Нибби¹⁹, которого потерю еще не оплакал вечный город, жил недавно в Риме республики и Цезарей и переносил туда с собой своих читателей. Канина²⁰, антикварий и филолог, воссоздает план древнего Рима со всеми его славными зданиями и улицами – и вы, читая древнюю историю, можете воображать себе место события. В Пизе Розеллини²¹, учредив кафедру коптского языка, воскрешает Александрийско-египетский мир в новом виде. Там же Розини²², оставив перо романиста, подражателя Манцони²³, изучает историю живописи в Италии по памятникам еще неисследованным. Во Флоренции Чиампи²⁴ роется в архивах и библиотеках и отыскивает следы влияния Италии на Россию и Польшу. Римская курия смотрит косо на его труд и подвергает его запрещению в областях своих: причина та, что Чиампи открыл многие козни папизма и иезуитов против России. В Падуе профессор всемирной истории, Менин, воскрешает на лекциях своих исторические чтения Фукидида. Имея дар слова в высочайшей степени и образовав его классически, он живописует словом картины истории так, что вся она проходит в воображении слушателей, как живая панорама событий. Граф Литта²⁵ в Милане издает истории всех знаменитейших фамилий Италии, основанные на документах самых достоверных и почерпнутых в частных архивах, которыми изобилуют города ее. Чудный материал для истории средних веков! Джулио Феррари там же продолжает огромный труд: он изучает внешнюю жизнь всех народов мира, древних и новых, их одежды, обычаи, праздники, искусства, ремесла, и проч. и оживляет все это рисунками. Замечателен новый эстетический взгляд его на жизнь человечества. Важное пособие для художников!

Такова деятельность ученых Италии. Она не имеет ничего целого, ничего совокупного. Она устремлена более на то, что окружает их, что входит в мир древности или искусства.

Состояние литературы представляет тот же феодальный вид, как и наука. До сих пор правительства Италии не подумали еще обеспе-

читать собственность литературную* и оградить права авторства. В отдельных государствах Италии даются авторам привилегии против перепечатания; но нет положительно утвержденных законов – и нет совершенно никакой взаимности между государствами. Автор, издавший сочинение сколько-нибудь замечательное в Милане, может быть уверен, что оно тотчас же явится во Флоренции, в Пизе, в Лугано, в Риме, в Неаполе и так далее, и везде цена его будет дешевле. Вот почему книгопродавцы редко покупают сочинения или переводы литераторов, и сим последним остается одно только бедное средство: издавать, прибегая к подписке, или говоря техническим их термином: *per via di associazione*²⁶. Конечно, гений возможен во всех отношениях жизни; но необходимы средства для его воспитания и для возбуждения его деятельности. Литература же не может состоять из одних гениальных произведений: она должна обнимать все явления современной жизни.

Весьма замечательна черта настоящей литературы Италии: несмотря на то, что все произведения словесности французской читаются писателями Авзонийскими²⁷, их вкус остался совершенно чист от развращенного влияния Франции. Романы Гюго, Сулье, Сю и прочих, исчадия французской драмы, не породили ничего подобного в Италии. Такую неприкосновенную непорочность вкуса ее было бы несправедливо отдать на долю заботливости цензуры итальянской и думать, что сия последняя сторожит нравственность, приличие и вкус. Нет, это была бы ей лишняя честь: цензура в Милане даже позволила бы непристойное в романах, в надежде доставить приятное развлечение публике. К тому же вне Италии есть другая, странствующая, бесцензурная словесность: Лугано, Париж и Лондон печатают все безответственно. Иногда и в самой Флоренции, и в других городах Италии выходят книги с именем Лондона. А между тем и здесь, куда не достигает взор цензуры ни австрийской, ни папской, ни неаполитанской, вы не найдете ни порчи вкуса, ни разврата нравов! Нет, причины такому явлению таятся глубже; они в духе и характере итальянского народа.

Первая из них – чувство религиозное, глубоко в нем сокрытое. Итальянец во всех отношениях жизни ему верен. Вся странствующая Италия и среди безбожного Парижа питается Религией. Вторая причина – чувство эстетическое, чувство красоты. Безнравственное в поэзии противно итальянцу потому, что оно безобразно. Литература

* Недавно в газетах было известие о том, что Австрийское и Сардинское правительства согласились учредить закон литературной собственности на правах взаимных между обоими владениями и что Папа изъявил на то согласие со своей стороны.

Италии в упадке; но вкус к изящному, питаемый вечными образцами, входящими в образование народное, поддерживается по преданию.

Печальные отношения литературы к государственной жизни видны особенно в том, как мало плодovitы те писатели, гений которых признан всей Европой. Манцони умер заживо. Со времени его «Обрученных», которыми он превзошел лучшие романы В. Скотта, Манцони не написал ни строки. Несколько лет уже обещает он издать новый роман: «La Colonna infame» («Позорный столб»), которого содержание, кажется, взято из эпизода «Обрученных». В нынешнем году разошелся слух в Италии, что роман уже печатается в Турине, также per via di associazione; но до сих пор ничего не выходит.

Сильвио Пеллико²⁸, после своих «Темниц и Обязанностей», издал несколько стихотворений; но его стихи слабы после прозы, упитанной страдальческою жизнью. Недавно рассказал он повесть о том, как явились на свет его «Темницы». Слышно, что он собирается написать свою автобиографию. Кто не прочтет с жадностью такой книги? Но должно сказать, что жизнь его слишком свята для нашей эпохи и покажется вымыслом. Исповедь грешника в смысле нашего века была бы, конечно, занимательнее и, рассказанная с чувством, могла бы подействовать сильнее.

Среди романистов, которых племя не прекращается в Италии, особенно славен теперь Чезаре Канту²⁹, идущий достойно по следам Манцони и Гросси³⁰. Его роман «Маргарита Пустерла», взятый из времен Миланской истории XIV века, произвел сильное впечатление в Милане. Второе издание было запрещено правительством.

В 1831 году Италия лишилась историка Коллетты³¹, который писал слогом Тацита³². Мы упоминаем о писателе давно умершем потому только, что непонятна неблагодарность современников, столь мало о нем знающих. В отношении к слогу Коллетте принадлежит решительно первое место между всеми историками нашего времени, а между тем имя его едва ли у нас известно! Ботта³³, конечно, ниже его талантом; но имя его знают потому, что о нем более говорили в Париже. Из новых историков является на сцену Чезаре Бальбо³⁴: недавно издал он в Турине жизнеописание Данте, начертанное пером горячим.

Замечательны некоторые поэтические явления в Италии: они вспыхивают по временам, как искры в потухающем вулкане. Но и тут несчастье: гениальные поэты ее или умирают скоро настоящей смертью, или умирают заживо. Нет почти ни одного из них, который бы до конца жизни поддержал свое поприще. Вот самый яркий признак упадка в духе народном!

В 1857 году Италия лишилась своего славного лирика, который мог первенствовать не только в ней, но и в Европе. Имя его Джакомо Леопарди³⁵. Его Песни упитаны были скорбью, равно как жизнь. Его лира напоминает лучшие создания Петрарки и проникнута чувством еще глубочайшим, нежели песни Трубадура Авиньонского³⁶. Германия, столько богатая и теперь лирическими поэтами, уступит, несмотря на своих Кернеров и Уландов³⁷, пальму первенства в патриотической песне лирику Италии, который долго странствовал в изгнании, но умер под небом Неаполя.

Есть другой лирик, уступающий первенство Леопарди в глубине чувства, но обладающий меткими стрелами сатиры, упитанной не насмешкою, а скорбью. Это – Джованни Берше. Иные говорят, что имя его вымышленное. Сочинения его, по некоторым политическим отпошениям, строго запрещены в пределах Австрии. Берше³⁸ живет вне Италии.

Борги во Флоренции славен своими религиозными гимнами. Белли в Риме – поэт-сатирик – владеет сонетом комическим. Его сонеты – картинки, взятые из обыкновенной жизни Рима: это Пинелли в стихах. Лучшие писаны наречием римским. Они ходят в устах народа. Напечатанные гораздо слабее изустно известных.

Поэты Италии, одаренные талантом более живым и пламенным, не будучи ограждены в литературной собственности, пускаются в импровизацию, которая переносит слушателей в первоначальные времена поэзии, когда ни перо, ни типографский станок не охлаждали вдохновения. Недавно мы слышали Джустиниани³⁹ в Москве: его мгновенные импровизации возбуждали недоверие в некоторых и казались чудесами для многих. Ученик его, Регальди, в Париже идет славно по следам своего учителя.

Данте по-прежнему составляет предмет глубочайших исследований итальянских литераторов и ученых. И в Лондоне, и в Париже, и во всех столицах и замечательных городах Италии есть люди, на то себя посвящающие, чтобы изучать великого Гомера средних веков. Выходят часто новые издания. Последний комментарий принадлежит Томмасео. Издают много, а между тем до сих пор еще не сличены даже замечательнейшие кодексы Божественной Комедии. Это – труд, ожидающий делателей. Флоренция воздвигла в церкви Святого Креста своему изгнаннику памятник, лишенный его праха; а до сих пор не совершит ему другого литературного монумента – не издаст поэмы его, сличенной по всем лучшим кодексам, по крайней мере XIV, XV и XVI столетий. Это едва ли и совершится, пока Академия делла Круска правит скипетром языка и словесности Тосканской и

коснеет в своих закоренелых предрассудках, против которых нет в Италии высшего Ареопага⁴⁰. Академия Тосканская до сих пор не поняла, что в древних произведениях не должно изменять ни языка, ни правописания. Она еще не так давно издала комментарий к Божественной Комедии, будто бы современный произведению, а писанный прозою, которая нисколько не отличается от прозы живых и пишущих членов самой Академии.

С некоторых пор принялись в Италии изучать поэтов, предшествовавших Данте. Начало этих трудов принадлежит графу Пертикари, филологу знаменитому, рано похищенному у Италии смертью. Явление Данте теперь уже не кажется таким внезапным в отношении к языку, как прежде казалось. Бесчисленные поэты предшествовали ему по всем городам Италии. Конечно, он успел же покрыть всех своим именем и славой. Так, в Англии открыли, что Шекспир окружен был семидесятью драматическими поэтами. Как эти два великие события объясняют загадку Гомера, который, вероятно, именем своим покрыл также все прочие имена, унесенные навсегда первобытной древностью.

Из трудов современных по части литературы, предшествовавшей Данте, самый замечательный есть труд Мази. Он отыскал в Ватиканской библиотеке кодекс поэтов XIII века, в то самое время писанный. Ни один ученый филолог не обратил до сих пор внимания на этот кодекс: должно надеяться, что г. Мази вскоре издаст его.

Драматическая литература Италии не производит ничего замечательного. Альфиери, Гольдони, Джироде, Нота⁴¹ – составляют репертуар национальный. Но обильнее гораздо бесконечные переводы с французского, как и на всех театрах Европы, кроме Англии. Говоря о драме в Италии, нельзя не упомянуть о множестве народных театров, в ней существующих, для которых пишут драматурги вовсе неизвестные. Материал этих пьес – нравы города, в котором театр находится; язык их – наречие народное. Это самые любопытные спектакли Италии, на которых смех не угасает во время представления. Актеры всегда превосходны: ибо модели перед их глазами. Они сами вышли из того круга, который представляют. Эта народная драма могла бы служить материалом для будущего авзонийского Шекспира, если бы он был возможен.

* * *

Англия—крайняя противоположность Италии. Там – совершенная ничтожность и бессилие политическое; здесь – средоточие и держава современной политики; там – чудеса природы и беспечность рук человеческих; здесь – скудость первой и деятельность вторых;

там – нищета искренно бродит по большим дорогам и улицам; здесь она скрыта роскошью и богатством внешним; там – идеальный мир фантазии и искусства; здесь – существенная сфера торговли и промышленности; там – ленивый Тибр, на котором изредка увидишь лодку рыбацью; здесь – деятельная Темза, на которой тесно от пароходов; там небо вечно-светлое и открытое; здесь туман и дым навсегда скрыли чистую лазурь от глаз человеческих; там каждый день процессии религиозные; здесь – сухость безобрядной религии; там каждое воскресенье – шумный пир гуляющего народа; здесь день воскресный – мертвая тишина на улицах; там – легкость, беспечность, веселье; здесь – важная и суровая дума севера...

Не эта ли яркая противоположность между двумя странами причиною того, что англичане так любят Италию и ежегодными колониями населяют ее! Человеку сродно бывает любить то, в чем он видит обратную сторону жизни, его окружающей. Ею он дополняет бытие свое.

Благоговеешь перед этою странною, когда в ней самой видишь своими очами то прочное благоденствие, которое она себе устроила, и так мудро и неусыпно поддерживает. Смешны и странны кажутся иногда островитяне, когда знакомишься с ними на твердой земле; но с невольным уважением преклоняешься перед ними, когда гостишь у них и смотришь на чудеса их всемирной силы, на деятельность их могучей воли, на это великое их настоящее, всеми корнями своими держащееся в глубине строго хранимого и уважаемого прошедшего. Смотря на наружность Англии, думаешь, что эта сила бессмертна, если только какая-нибудь земная сила может быть бессмертною в мире, где все проходит!

Эта сила содержит в себе две другие, взаимным совокуплением которых утверждается непоколебимая прочность Англии. Одна из этих сил стремится вне, жаждет обнять весь мир, усвоить все себе; это ненасытимая сила колониальная, которая основала Соединенные Штаты, покорила Восточную Индию, наложила руку на все славнейшие гавани мира. Но есть сила другая в Англии, сила внутренняя, предержавшая, которая все устрояет, все хранит, все упрочивает и которая питается протекшим.

Эти две силы не так еще давно, на наших глазах, олицетворены были в двух писателях Англии, по смерти которых она не произвела ничего выше их: это Байрон и В. Скотт. Чудно с первого раза кажется, как сии два гения, совершенно противоположные духом и направлением, могли быть современниками и даже друзьями. Тайна тому в жизни самой Англии, и даже в жизни всей Европы.

Байрон олицетворяет для меня ненасытимую, бурную силу Англии, которая пенит все моря, развеивает флаги по ветрам всего мира. Байрон порождение этой бесконечной жажды, которую страдает Англия, этого вечного недовольства, которое мутит ее и гонит в мир. Он выразил в себе неистощимую гордость ее духа неукротимого!

В. Скотт, напротив, есть выразитель другой ее силы, жидущей внутри, хранящей и соблюдающей. Это неизменная вера в свое великое протекшее; это бесконечная любовь к нему, доводящая до благоговения. Поэзия В. Скотта идет от того начала, что все исторически верное уже прекрасно потому, что освящено преданием отечественным. Романы В. Скотта – художественный апофеоз истории.

Когда в Лондоне, гуляя по необъятным докам, обозреваешь корабли, готовые лететь во всевозможные страны мира, тогда становится понятным, как в такой земле мог родиться и воспитаться ненасытимый, бурный дух Байрона.

Когда с благоговениемходишь под темные своды Вестминстерского аббатства⁴² или гуляешь по паркам Виндзора, Гамптонкура, Ричмонда⁴³ и отдыхаешь под дубами, рождением современными Шекспиру, тогда постигаешь, как на этой почве предания мог созреть блюстительный гений В. Скотта.

Оба эти великие явления литературы сего столетия не могли быть одно без другого. В них выразилась не одна Англия, но и вся Европа. Бурный дух Байрона отражался и в государственной жизни народов, и в частной жизни человечества; ему противодействовало стремление В. Скотта сохранить прошедшее и освятить всякую национальность.

Как мало значительны все явления словесности английской после этих двух, которые и до сих пор продолжают иметь двойственное влияние на весь пишущий мир Европы!

Из всех современных писателей Англии всех более известен в Европе Э.Л. Бульвер⁴⁴. Больно подумать, как могла литература Англии низойти до такой посредственности! Трудно было избрать новый путь после исполинов поэзии английской. Бульвер задумал избрать что-то среднее, но это вышло ни то, ни се. Его герои не имеют идеальности Байроновых героев и чужды той жизни, какую своим дает В. Скотт. Посредственность любит всегда бесцветную середину.

Первенство Бульверово, обеспеченное ему одной бездарностью современной литературы английской, скоро отобьет у него Диккенс, талант свежий и национальный. Вдохновение Диккенса – тот же английский юмор, из которого черпали, начиная с Шекспира, все народные гении Англии. Характеры свои Диккенс берет из природы, но отделяет их по образцу карикатур английских. Главная сфера

его та низшая область расчета и промышленности, которая заглушает все чувства человеческие. Необходимо было сатирою заклеить этот пошлый мир, и Диккенс отвечает на потребность времени.

У нас могли бы явиться подражатели Диккенсу, если бы в этом случае Россия не опередила Англию. Диккенс много имеет сходства с Гоголем, и если бы можно было предположить влияние нашей словесности на английскую, то мы могли бы с гордостью заключить, что Англия начинает подражать России. Жаль, что сатира нашего юмориста не заберет в свое ведомство общества наших промышленников, как она забрала уже общество чиновников.

Говорят, что в Англии множество дам выступило на сцену литературы. И в этом случае Англия не нам ли подражает? Из поэтов женского пола славны особенно мисс Нортон⁴⁵ и мисс Брук. Первая прославилась недавно своею поэмою «Сон», написанною в стиле Байроновом.

В Англии то же самое явление, что и в Италии, в отношении к современной литературе Франции: сия последняя не произвела никакого влияния на писателей Англии. Романы и драмы французские даже не находят там переводчиков. В Италии нашли мы тому две причины: Религию и чувство эстетическое. В Англии также две: предания своей литературы и мнение общественное. Литература Англии имела всегда в виду цель нравственную, и каждое ее произведение, явившись в свет, кроме своего значения эстетического, имело значение нравственного поступка, который подвергался суду публичному. Так и должно быть в благоустроенном государстве. Мнение общественное в Англии есть также власть, полагающая преграды злоупотреблению личной свободы писателя, который своим развращенным воображением захотел бы развращать и народ. В Англии даже известная переписка ребенка с Гёте* в переводе не могла иметь успеха по причине общественных отношений: как же могли бы явиться безнаказанно романы какого-нибудь Сулье?

Зато много выходит в Англии переводов с немецкого. Германцы, столько обязанные литературе Альбиона, в свою очередь производят на нее свое влияние. В этом, конечно, участвует новое поколение англичан, которые часто довершают образование свое в немецких университетах. У англичан особенная страсть переводить Фауста: вышли многие переводы его, имеющие большое достоинство.

Упадающие литературы, по недостатку настоящего, прибегают обыкновенно к своим великим воспоминаниям, к изучению своего

* Goethe's Briefwechsel mit einem Kinde («Переписка Гете с одним ребенком»).

прошедшего. Англия изучает в подробности Шекспира, как Италия – Данте, как Германия – Гёте. С некоторых пор вышло в Англии много сочинений по части одного Шекспира: теперь собираются год от году богатейшие материалы для объяснения его произведений, материалы, которыми еще не успела достаточно воспользоваться критика немецкая. Явление великого гения всегда остается небесною загадкою для человечества; но воспитание его, постепенность созревания, материалы, бывшие у него под руками, век, в котором он жил, все это будет со временем приведено в прозрачную ясность. История Английской сцены до Шекспира, Коллье⁴⁶ и Дреково сочинение: «Шекспир и век его»^{*}, вот до сих пор лучшие комментарии к великому драматiku Англии^{**}.

Несмотря на то, что англичане изучают так много Шекспира, их критический способ воззрения на этого писателя нисколько не изменился. Странно, как все исследования или эстетические открытия Лессинга⁴⁷, Гёте, Августа Шлегеля⁴⁸ и Тика⁴⁹ для англичан проходят даром и никак не принимаются на почве английской критики. Стоит прочесть лекции Кольриджа о Шекспире, изданные не так давно, и читанные им уже после лекций Шлегеля, чтобы убедиться в этом. За исключением немногих замечаний, глубоких и дельных, критика Кольриджа не представляет никакого основания: она не в силах постигнуть идеи произведения; она даже не задает себе и вопроса о том. Так мало меняются западные нации своими открытиями в области наук и так еще каждая привычно коснеет в своих предрассудках, переходящих по преданию от поколений к поколениям.

Чтобы видеть еще, как эстетическая критика Германии осталась вовсе чуждою для английских писателей, занимающихся изучением произведений литературы, стоит взглянуть на сочинение Галлама⁵⁰ «История литературы европейской в XV, XVI и XVII столетиях». Это сборник, сделанный из сочинений Тирабоски, Женгене, Сисмонди, Бутервека⁵¹, Уартона⁵² и других, неодушевленный никакою мыслью. Критика Галлама нисколько не выше критики Уартона: и тот, и другой – компиляторы.

^{*} Вот книги, ожидающие переводчиков или сократителей в России. Было бы это и полезнее и любопытнее множества романов, которые являются у нас как будто за тем только, чтобы обогащать листы журнальной библиографии.

^{**} Странно, как до сих пор англичане не издадут полной библиотеки всех тех современных Шекспиру книг, из коих он черпал свои драмы: необходимо нужно собрать весь этот сырой материал, служивший для его созданий. Уже многое сделано и по этой части. Но странно, как до сих пор никому не придет на ум собрать полную коллекцию. Хроника Голлиншеда стоит до сих пор в Англии около 800 рублей и принадлежит к числу библиографических редкостей; а без нее не могут быть объяснены все драмы Шекспира, заимствованные из английской истории.

Драма английская в упадке: она не в силах произвести что-нибудь подобное созданием Шекспира. Но зато с каким великолепием разыгрываются теперь драмы его на Ковентгарденском театре⁵³! Что если бы встал из гроба драматург известного Глобуса⁵⁴, театра, имевшего вместо декораций ярлыки с надписью того, что должна представлять сцена? Что, если бы он встал и увидел эту пышность теперешней обстановки, чудеса декораций, обманывающих зрение, великолепие костюмов, осаду города на сцене в лицах? Как бы он удивился, с одной стороны, но как бы пожалел с другой! Отчего же англичане XVI века, не знавшие чудес нынешней механики сценической, имели Шекспира? Отчего англичане XIX столетия имеют Макреди*, доведшего сценическое исполнение Шекспировой драмы до высшей степени роскоши, а не имеют Шекспира? Неужели человечеству определено не соединять одного с другим? Неужели в наше время суждено Англии только совершать великолепную тризну по Шекспиру чудною обстановкою драм его на сцене Ковентгардена?

Хотя мы ограничивались одною изящною литературою Англии; но не можем не привести имени писателя исторического, который теперь производит большое влияние в своем отечестве и возбудит, конечно, сочувствие во всей Европе, когда более с ним познакомятся: это Томас Карлэйль⁵⁵, автор «Истории французской революции», писанной пером сатирическим. Он один умел возвыситься над этим событием и сказать о нем беспристрастную и горькую истину. Его фантазия и слог воспитаны Германией и отзываются странностью. Несмотря на то, Карлэйль находит многих подражателей в Англии.

Мы заключим краткий очерк литературного развития современной Англии словами одного из остроумнейших французских критиков, который имеет все средства вблизи наблюдать словесность соседственного государства. Эти слова послужат для нас и переходом к настоящему вопросу, от которого мы до сих пор отвлекались эпизодами. Вот как заключает Филарет Шаль свое обозрение современной английской литературы, напечатанное в первой ноябрьской книжке «Revue des deux mondes»⁵⁶:

«Напрасно, каким-то чувством доверия и надежды, стараемся мы отклонить роковую истину. Упадок литератур, происшедший от упадка умов, есть событие, которого отрицать нельзя. Все видят, что мы, народы европейские, как будто с единодушного согласия, нисходим до какого-то ничтожества полукитайского, до какой-то слабости всеобщей и неизбежной, которую автор сих наблюдений предсказы-

* Актер и директор Ковентгарденского театра в Лондоне.

вает в течение пятнадцати лет и против которой он не находит целебного средства. Это нисхождение, этот темный путь, который когда-нибудь приведет нас к плоскому уровню в умственном развитии, к дроблению сил, к уничтожению творящего гения, – совершается различным образом, смотря по степени ослабления различных племен Европы. Южные народы нисходят первые: прежде всех прияли они жизнь и свет, прежде всех постигает их ночь ничтожества. Северные последуют за ними: крепость жизненных соков мира нашла убежище в них. Итальянцы, благородное племя, уже там, в глубине, спокойны, тихи, блаженны своим климатом и увы! упоены счастьем бессилия – этого последнего бедствия народов. Испанцы, вторые дети новой Европы, терзают руками свою внутренность и гложут себя, как Уголино, прежде чем войти в эту глубокую тишину Италии, в эту полноту смерти. На том же скате вниз, но живее силами, волнуются другие народы: они еще надеются, еще поют, наслаждаются, шумят и думают железными дорогами да школами воскресить пламя общественной жизни, дрожащее последним светом. Сама Англия, лишенная своей саксонской энергии, своего пуританского пыла, утратившая силы литературные, похоронившая своих Байронов и В. Скоттов, чем будет через сто лет? Бог знает!

Но если бы даже признаки, возвешенные философами, и были верны; если бы в том обширном гальваническом потоке уничтожения и воссоздания, который называют Историей, вся Европа тысячи двухсот лет, со своими законами, правами, началами, мыслями, со своим двойным прошедшим, тевтонским и римским, со своею гордостью, жизнью нравственной, могуществом физическим, со своими литературами, должна была медленно изнемочь и заснуть сном вечным, чему тут удивляться? Если бы ей назначено было испытать тот же самый жребий, который некогда постиг мир Греческий, потом Римский, оба меньшие и пространством и временем, чем наша Европа христианская; если бы обломкам старого сосуда, в свою очередь, должно было послужить на создание сосуда нового, свежего, – можем ли мы на то жаловаться? Эта цивилизация, которую мы называем европейскою, разве мало продолжалась? А на земле разве нет стран свежих, юных, которые примут и уже приемлют наше наследство, как некогда отцы наши приняли наследие Рима, когда Рим совершил судьбу свою? Америка и Россия разве не тут? Обе алкают славы выйти на сцену, как два молодые актера, жаждущие рукоплесканий; обе равно горят патриотизмом и стремятся к обладанию. Одна из них, единственная наследница гения англо-саксонского: другая со своим умом словенским, безмерно гибким, терпеливо учится у народов

новоримских и хочет продолжать их последние предания. А за Россией и Америкой разве нет еще иных земель, которые, в течение миллионов лет будут продолжать, если надобно, эту вечную работу человеческого образования?

Нечего отчаиваться за человечество и за его будущее, если бы и пришлось нам, народам Запада, уснуть — уснуть сном племен ветхих, погруженных в летаргию бдения, в смерть живую, в деятельность бесплодную, в изобилие недоносков, чем так долго страдала издыхавшая Византия. Я боюсь, чтоб мы не дожили до того же. На литературы находит бред горячки. Человек материальный, рабочий телу, каменщик, инженер, архитектор, химик, могут отрицать мое мнение; но доказательства очевидны. Откройте хоть 12 000 новых кислот; направьте аэростаты машиной электрической; изобретите средство убить 60 000 человек в одну секунду: несмотря на все это, нравственный мир Европы будет все-таки тем, что он уже есть: умирающим, если не совсем мертвым. С высоты своей уединенной обсерватории, летая по темным пространствам и туманным волнам будущего и прошедшего, философ, обязанный ударять в часы современной истории и доносить о переменах, совершающихся в жизни народов, — все принужден повторять свой зловещий крик: *Европа умирает!*»

Эти вопли отчаяния нередко раздаются теперь от писателей западных, нам современных. Призывая нас к наследию жизни европейской, они могли бы льстить нашему самолюбию; но, конечно, неблагородно бы было с нашей стороны радоваться таким ужасным крикам. Нет, мы примем их только как урок для будущего, как предостережение в современных отношениях наших с изнемогающим Западом.

Англия и Италия не имели никогда в литературном отношении непосредственного влияния на Россию. Художники наши переезжают Альпы и в отчизне Рафаэля изучают искусство; промышленники Англии навещают нас и наставляют своему делу. Но литературу Италии и Англии мы до сих пор узнавали через Францию и Германию. Байрон и В. Скотт действовали на лучшие умы нашей словесности через французские переводы. Немцы познакомили нас с сокровищами Шекспира. С некоторых пор мы начинаем, мимо посредников, узнавать богатства литературы южной и северной, но все еще смотрим на них в очки немецкие. Должно надеяться, что распространение языков иноземных приведет нас к воззрению более самостоятельному. Но где же причина тому, что Англия и Италия в умственно-литературном отношении до сих пор не имели на нас прямого влия-

ния? Они заслонены от России двумя странами, к которым мы теперь переходим.

(Продолжение публикации в следующем номере «Вестника»)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кир – персидский царь, завоеватель Востока в VI в. до н. э.

² Имеется в виду Александр Македонский (356–323 гг. до н. э.), царь, создатель огромной империи от Греции до Инда.

³ Цезарь, Гай Юлий (100–44 до н. э.) – первый император Древнего Рима, расширивший его границы до территорий Европы, Азии и Африки.

⁴ Карл Великий – король франков, основавший империю (688–741).

⁵ Григорий VII – папа Римский (1073–1085), утвердивший примат папской власти над светской, непогрешимость папы, а также обет безбрачия для римского духовенства.

⁶ Карл V – король Испании (1500–1558), воссоединивший многие испанские земли и возглавивший реконкисту (освобождение испанских территорий от арабов).

⁷ Строки из стихотворения А.С. Пушкина «Наполеон».

⁸ Разделы статьи, посвященные искусству (живопись и театр), даются в сокращении.

⁹ Горные вершины Альп, отделяющие Италию от остальной Европы.

¹⁰ Винкельман, Иоганн Иоахим (1717–1768) – историк, искусствовед, археолог, один из первых показал значимость античного искусства.

¹¹ Страна средней Италии, впоследствии – Тоскана. Этруски считаются предками римлян.

¹² Рафаэль (Санти, 1483–1520) – великий итальянский художник эпохи Возрождения. «Преображение» – последняя его картина, написанная для Ватикана.

¹³ Реки, на которых расположены крупные столицы мировой культуры: Мюнхен, Дюссельдорф, Лондон, Париж, Санкт-Петербург.

¹⁴ Пиза – крупный научный и культурный центр Италии, столица Тосканы. Имеет древнейший университет, академию, знаменитые архитектурные памятники, среди которых Пизанская башня.

¹⁵ Папы Римские – реформаторы, покровители искусств, науки и культуры.

¹⁶ Имя не выяснено.

¹⁷ Май, Анджело (1782–1832) – иезуит, филолог, историк литературы, издатель античных сочинений.

¹⁸ Асс – монета древнего Рима.

¹⁹ Имя не выяснено.

²⁰ Канина, Луиджи (1795–1856) – археолог, архитектор и писатель, вел раскопки Форума в Риме.

²¹ Розеллини (1800–1843) – египтолог, помощник Шампольона. Профессор восточных языков в Пизанском университете.

²² Розини (1748–1836) – археолог, вел раскопки Геркуланума.

²³ Мандзони (Манцони), Алессандро (1785–1873) – поэт и писатель.

²⁴ Чиаппи (1769–1847) – историк, священник. Изучал древнеримские манускрипты.

²⁵ Литта, Помпео (1781–1852) – историк, исследовавший 75 виднейших родов Италии, работа его затем была продолжена последователями.

- ²⁶ посредством подписки (англ.).
- ²⁷ Поэтическое название Италии, происходящее от имени древнего народа авзонов.
- ²⁸ Пеллико, Сильвио (1789–1851) – писатель, за симпатии к карбонариям подвергшийся тюремному заключению. Одно из известных его сочинений – «Франческа да Римини».
- ²⁹ Историк и беллетрист (1807–?). Молитва ребенка за Отечество из романа «Маргарита Пустерла» сделалась в Италии поистине народной.
- ³⁰ Гросси, Томазо (1791–1853) – поэт, известный своими сатирами.
- ³¹ Коллетта, Пьетро (1775–1839) – историк и государственный деятель. Военный министр Неаполя.
- ³² Тацит (155–120) – древнеримский историк, важнейший источник по истории романских и германских народов.
- ³³ Ботта, Карло Джузеппе (1766–1837) – историк и поэт, участник Французской революции.
- ³⁴ Бальбо, Чезаре (1789–1863) – государственный деятель и историк. Сторонник объединения Италии.
- ³⁵ Леопарди, Джакомо (1798–1837) – поэт-лирик.
- ³⁶ Имеется в виду Петрарка, живший в Авиньоне и его окрестностях.
- ³⁷ Кернер-отец – Христиан Готфрид (1756–1831), друг Шиллера. Кернер-сын – Карл Теодор (1791–1813), погиб на войне, писал патриотические стихи. Уланд, Людвиг (1787–1862) – филолог, историк литературы и поэт.
- ³⁸ Берше, Джованни (1783–1851) – поэт-романтик.
- ³⁹ Джустиниани – итальянский род, известный поэтами и историками.
- ⁴⁰ Т.е. судилища (*lat.*).
- ⁴¹ Итальянские драматурги, из которых наиболее популярны Карло Гольдони (комедии) и Витторио Альфиери (трагедии).
- ⁴² Собор св. Петра, место коронования и погребения английских королей и других великих людей Англии.
- ⁴³ Зеленые зоны Лондона и его окрестностей.
- ⁴⁴ Бульвер, Эдуард Джордж (1803–1873) – писатель и политический деятель.
- ⁴⁵ Поэтесса, внучка поэта Шеридана (1808–1877).
- ⁴⁶ Коллье (Кольер, Collier), Джон Пен (1789–1883) – английский историк литературы, шекспиролог.
- ⁴⁷ Лессинг, Готтольд Эфраим (1728–1781) – немецкий писатель, эстетик.
- ⁴⁸ Шлегель, Август Вильгельм (1767–1845) – немецкий критик, ориенталист, поэт, историк литературы и искусства.
- ⁴⁹ Тик, Людвиг (1778–1853) – критик, поэт и писатель, один из основателей романтической школы в Германии.
- ⁵⁰ Галлам, Генри (1777–1859) – историк, автор «Конституционной истории Англии».
- ⁵¹ Тирабоски, Джираламо (1731–1794) – итальянский историк литературы; Женгене, Пьер-Луи (1748–1816) – французский историк литературы и поэт; Сисмонди, Жан Шарль Леонард (1773–1842) – французский экономист и историк; Бутервек, Фридрих (1766–1828) – немецкий эстетик и философ, профессор Геттингенского университета.
- ⁵² Имя не выявлено.
- ⁵³ Существует с 1732 г. Сейчас – оперный театр, в первой половине XIX в. в нем шли разные представления.
- ⁵⁴ Глобус – театр (1599–1644), в котором ставились пьесы Шекспира.

⁵⁵ Карлейль, Томас (1795–1881) – филолог, историк, публицист, апологет Бисмарка.

⁵⁶ Солидный французский журнал.

*Публикация подготовлена
кандидатом исторических наук,
ведущим научным сотрудником
Института теории и истории педагогики РАО
Л.Н. БЕЛЕНЧУК*

A RUSSIAN VIEW ON TODAY'S EDUCATION IN EUROPE

S.P. SHEVYREV

A well-known article by S.P. Shevyrev entitled 'A Russian View on Today's Education in Europe' is published. As far as the author of the present publication knows, this article has never been reprinted despite its fame and numerous references to it, and also despite the fact that it is undoubtedly of interest to philologists as well as to historians of pedagogics.

This publication has been prepared by L.N. Belenchuk, Ph.D. in History, a leading researcher at the Institute of Theory and History of Pedagogics of the Russian Academy of Science.